

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию Ли Ли

«Литературное творчество русской эмиграции в Шанхае (1940-е гг.)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской
Федерации

Диссертация Ли Ли посвящена литературному творчеству русской эмиграции в Шанхае 1940-х годов — материалу, который в последние десятилетия все заметнее входит в поле русистики, но до сих пор изучен существенно менее полно, чем литература харбинского центра «восточной ветви» русского зарубежья. Уже поэтому выбор темы представляется не только обоснованным, но и своевременным. В данном случае, однако, **актуальность** определяется не одной лишь недостаточной изученностью корпуса. Важнее то, что диссертантка рассматривает шанхайскую литературу как явление, возникшее в зоне интенсивного взаимодействия двух культур: русская литературная традиция здесь не просто сохраняется в эмиграции, но существует в постоянном соседстве с китайской культурой, философией и словесностью. Именно эта двойная оптика — обращенность к «своему» и постепенное освоение «чужого» — задает концептуальную логику всей работы.

Во введении убедительно показано, что исследовательское внимание долгое время было сосредоточено преимущественно на Харбине, тогда как литературная жизнь Шанхая, особенно 1940-х годов, освещалась либо обзорно, либо применительно к отдельным авторам и локальным сюжетам. Показательна отмеченная Ли Ли лакуна: даже в новейшей монографии Ли Синьмэй о русской литературе Шанхая не рассматриваются в необходимой полноте поздний кружок «Пятница» и созданный его участниками коллективный сборник «Остров» (1946). Не менее существенно, что диссертантка обращается к творчеству Марии Коростовец, корпус произведений которой до сих пор не был собран и

систематически исследован, а также к русским переводам и интерпретациям «Дао Дэ Цзин», существовавшим в среде шанхайской эмиграции. Тем самым работа соединяет историко-литературную, источниковедческую и собственно аналитическую задачи.

Научная новизна диссертации имеет несколько уровней. Источниковедческий связан с введением в исследовательский контекст значительного массива малодоступных текстов эмигрантской периодики и с реконструкцией корпуса М.П. Коростовец. Историко-литературный — с последовательным анализом сборника «Остров» как художественного целого и шанхайской литературы 1940-х годов как самостоятельного этапа истории «восточной ветви». Наконец, концептуальный уровень новизны определяется попыткой типологизировать способы рецепции китайской культуры — от внешнего экзотического колорита и истолкования незнакомого через привычные культурные рамки до трансформации собственной поэтики под воздействием китайской философии.

Четвертая глава, посвященная сборнику «Остров» (1946), принадлежит к наиболее содержательным частям диссертации. Ли Ли не пытается искусственно приписать разным авторам единую поэтику, а ищет другой уровень общности — общую экзистенциальную ситуацию и систему повторяющихся образов. Анализ раздела «Светильник», образа пустыни и рецепции Достоевского показывает, как частный опыт превращается в коллективный язык изгнания. Особенно интересна трактовка пустыни: условно-поэтический и библейский образ в шанхайском контексте соединяется с реальным историческим опытом исхода, скитания и духовной аскезы.

Самостоятельную ценность имеет пятая глава — фактически первое систематическое исследование творчества Марии Павловны Коростовец. Диссертантка реконструирует творческий путь малоизученного автора, выявляет два полюса ее художественного мира — историю и мистику, показывает устойчивость теософских представлений. Тонко проанализировано стихотворение

об императрице Цы Си, где взаимодействуют западный феникс и китайский фэнхуан; убедительно выявлен претекст стихотворения «Пекин» — «Москва» Ф.Н. Глинки. Этот случай важен для общей концепции: китайский материал оказывается организован при помощи русской поэтической модели, то есть «чужое» входит в текст через структуру «своего».

Шестая глава посвящена Валерию Перелешину и завершает намеченное в диссертации движение от сохранения русской традиции к глубокому освоению китайской. Автор прослеживает эволюцию поэта от акмеистической ясности к теории «недосказа», сопоставляя ее с даосским недоверием к исчерпывающему словесному выражению смысла. Сравнительное рассмотрение трех переводческих интерпретаций «Дао Дэ Цзин» делает особенно наглядной мысль о разных моделях рецепции. Удачно прослежена и динамика образа бабочки — от «пленной бабочки» к «бабочке во сне», соотнесенной с Чжуан-цзы: тезис о влиянии даосизма получает здесь конкретное текстуальное обоснование.

Положения, выносимые на защиту, в целом **соответствуют** содержанию исследования и получают необходимую **аргументацию** в главах. **Доказательность выводов** обеспечивается прежде всего широтой источниковой базы и сочетанием нескольких **методов**. Базовым назван историко-литературный метод (хотя точнее было бы назвать его культурно-историческим); вместе с ним используются сравнительно-литературный и интертекстуальный подходы, приемы источниковедческого и текстуального анализа. Особенно важно, что выводы о русско-китайском диалоге строятся не на общем сходстве идей, а, как правило, подкрепляются конкретными текстовыми сопоставлениями, переводами, биографическими свидетельствами и данными литературной истории. Это позволяет высоко оценить степень **обоснованности** и **достоверности основных результатов**.

Теоретическая значимость работы связана с попыткой описать межкультурную рецепцию не как однонаправленное «влияние», а как процесс разной глубины и интенсивности. Наиболее перспективно различение моделей

освоения «чужого», которое может быть продуктивно и за пределами шанхайского материала. **Практическая значимость** также несомненна: результаты могут использоваться в курсах по истории русского зарубежья, русско-китайским литературным связям и компаративистике, а также при научном издании произведений авторов «восточной ветви». Ценным продолжением источниковедческой работы может стать подготовленная диссертанткой электронная коллекция малодоступных текстов с биобиблиографическими материалами и комментариями.

Апробация результатов исследования достаточна и представительна. Основные положения отражены в четырех публикациях в рецензируемых научных изданиях, в том числе в «Вестнике Московского университета. Серия 9: Филология»; отдельные аспекты работы были представлены в докладах на шести международных научных конференциях, проходивших в МГУ имени М.В. Ломоносова, СПбГУ, ИМЛИ РАН и на других научных площадках. Все это подтверждает включенность исследования в актуальный научный контекст.

При общей высокой оценке диссертации по долгу официального оппонента необходимо высказать несколько **замечаний**. Они не затрагивают существа проведенного исследования и в значительной мере указывают на те направления, в которых авторская концепция могла бы быть уточнена и развита.

1. Наиболее существенное замечание относится к центральной для диссертации типологии рецепции китайской культуры. Во введении выделены «аналогизирующая», «декоративная» и «трансформирующая» модели, тогда как в заключении они названы «аналогической», «рамочной» и «трансформативной». Дело здесь не только в терминологической вариативности: «декоративная» и «рамочная» рецепции описывают, по существу, разные механизмы. В первом случае китайский элемент функционирует преимущественно как экзотический или орнаментальный компонент, во втором — чужой материал истолковывается через устойчивую мировоззренческую систему воспринимающего, как в случае теософского прочтения «Дао Дэ Цзин» М. Коростовец. Поскольку эта типология

претендует на статус одного из теоретических результатов работы, ее терминологический состав и отношения между моделями следовало бы унифицировать и определить более строго.

2. Второе замечание связано с хронологическими границами исследования. Заглавие акцентирует 1940-е годы, и именно они справедливо объявлены центром работы, однако фактический материал заметно выходит за эти пределы: историческая предыстория начинается с 1917 года, а анализ творчества Перелешина и Коростовец включает тексты 1950–1970-х годов и позднейшие свидетельства. Во введении это мотивировано необходимостью проследить предысторию и последствия шанхайского периода, но в некоторых частях работы поздний материал уже перестает быть только комментарием и становится самостоятельным предметом анализа. Думается, автору стоило бы еще отчетливее разграничить основной хронологический корпус и материал, привлекаемый для реконструкции творческой эволюции.

3. Наконец, композиция исследования несколько неравномерна. Первые три главы дают широкую панораму литературной жизни, традиций и китайских рецепций, тогда как шестая глава о Перелешине по объему и аналитической насыщенности фактически приближается к самостоятельному исследованию. Это объяснимо масштабом личности Перелешина и значением его творчества для авторской концепции, однако вследствие этого фигура поэта в финале начинает доминировать над заявленным в заглавии коллективным феноменом русской эмиграции в Шанхае. Возможно, более явное объяснение особого статуса Перелешина как предельного, наиболее развитого варианта трансформирующей рецепции сделало бы композиционную логику диссертации еще прозрачнее.

В связи с высказанными замечаниями и общей концепцией работы хотелось бы задать диссертантке два вопроса.

1. Рассматривает ли автор выделенные модели рецепции китайской культуры как три сосуществующие типологические стратегии, возможные одновременно у разных авторов и даже в творчестве одного поэта, или между ними предполагается

определенная логика углубления контакта с «чужим» — от внешнего освоения к трансформации собственной поэтики? И если второе, можно ли говорить не только о типологии, но и о некоторой динамической модели межкультурной рецепции?

2. Валерий Перелешин предстает в диссертации как наиболее яркий пример глубокой, трансформирующей рецепции китайской философии. Насколько, по мнению диссертантки, его путь репрезентативен для русской литературной эмиграции в Шанхае в целом? Следует ли видеть в нем высшую степень общей тенденции, намеченной у других шанхайских авторов, или скорее уникальный индивидуальный случай, обусловленный личной поэтической и философской эволюцией Перелешина?

Высказанные замечания и вопросы имеют преимущественно дискуссионный и уточняющий характер и не снижают общей высокой оценки исследования. Перед нами самостоятельная, содержательная и добросовестно выполненная работа, в которой значительный новый материал не просто собран и введен в научный оборот, но включен в продуманную историко-литературную концепцию. К достоинствам диссертации следует отнести широту источниковой базы, знание русской и китайской исследовательских традиций, внимание к малоизученным авторам, сочетание историко-литературной реконструкции с конкретным анализом поэтического текста и стремление выйти от отдельных наблюдений к типологическим обобщениям.

Диссертация Ли Ли «Литературное творчество русской эмиграции в Шанхае (1940-е гг.)» **соответствует специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (по филологическим наукам)**, поскольку представляет собой исследование истории и поэтики русской литературы, литературного процесса русского зарубежья, междисциплинарных связей и рецепции инонациональной культуры в творчестве русских авторов. Автореферат при всей его лапидарности, обусловленной жанром, весьма содержательно и полно представляет диссертационную работу.

Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода, а также критериям, определенным пп. 2.1–2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертационное исследование оформлено согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Ли Ли заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

21.09.2026

Официальный оппонент:

доктор филологических наук (10.01.01 — русская литература),
профессор, заведующий кафедрой истории
журналистики и литературы Международного
института журналистики, телевидения и медиа
ОЧУ ВО «Московский университет имени А.С. Грибоедова»
Любовь Геннадьевна Кихней

Подпись проф. Л.Г. Кихней заверяю.

*Проректор по аспирантуре и докторантуре
к. филол. н., доцент*

Герейханова К.Ф.

111396, г. Москва, Зеленый проспект, д. 66 а.
Московский университет имени А.С. Грибоедова.
E-mail: cra@adm.iile.ru Раб. тел.: 8-495-673-74-19